

Научная статья

УДК 82-94

DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-19-29

«Пригожая повариха» и другие: романный сюжет в мемуарах Анны де Пальмье

Оксана Анатольевна Фарафонова

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

oxana.faroks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4205-6793>

Аннотация

Рассматривается ранее не попадавший в поле зрения исследователей мемуарный текст конца XVIII – начала XIX в. в аспекте романизации документального повествования. Особое внимание уделяется выявлению элементов литературного кода воспоминаний и определению функции каждого элемента в общей композиции мемуаров А. де Пальмье. В претексте записок Пальмье обнаруживается роман М. Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины», трагедии А. П. Сумарокова, оды Г. Р. Державина. В статье подробно описывается влияние романа Чулкова на повествовательную структуру мемуаров А. де Пальмье и его роль в создании образа автобиографической героини, выявляются знаки литературной ориентированности автора «Сокращенной выписки из истории моей жизни с 1794 по 1808 год»: эпиграф, предисловие, сюжетные переключки. На основании анализа мемуарного текста делается вывод о контаминации в записках Пальмье просветительно-классицистических, сентиментальных и романтических установок, что соответствует основным тенденциям развития культуры в конце XVIII – начале XIX в. и определяет специфику мемуаров Пальмье и их отношение к литературной традиции. Отсылки к разным по тематике, принадлежащим к прошлым эпохам или современным автору книгам, описывающим разные сферы человеческого бытия, создают необходимый фон для повествования Пальмье. Обнаруживаемые в воспоминаниях Пальмье переключки с литературными (и не только) произведениями поддерживают центральную для мемуаристики оппозицию «добродетельная героиня» – «порочный свет».

Ключевые слова

мемуары, роман, сюжет, структура повествования

Для цитирования

Фарафонова О. А. «Пригожая повариха» и другие: романный сюжет в мемуарах Анны де Пальмье // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 19–29. DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-19-29

© Фарафонова О. А., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 19–29
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. 19–29

“The Pretty Cook” and Others: A Novel Plot in the Memoirs by Anne de Palmier

Oksana A. Farafonova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia

oxana.faroks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4205-6793>

Abstract

The article examines a memoir text from the late 18th – early 19th centuries that has not previously come to the attention of researchers in the context of the novelization of documentary narration. Particular attention is paid to identifying the elements of the literary code of the memoirs and determining the function of each element in the composition of A. de Palmier's memoirs. The pretext of Palmier's notes includes M. D. Chulkov's novel “The Pretty Cook, or the Adventures of a Dissolute Woman”, A. P. Sumarokov's tragedies, and G. R. Derzhavin's odes. The article describes in detail the influence of Chulkov's novel on the narrative structure of A. de Palmier's memoirs and its role in creating the image of the autobiographical heroine and identifies signs of the literary orientation of the author of “A Short Extract from the History of My Life from 1794 to 1808”: epigraph, preface, and plot echoes. Based on the analysis of the memoir text, a conclusion is made about the contamination of the enlightenment-classicist, sentimental and romantic attitudes in Palmier's notes, which corresponds to the main trends in the development of culture in the late 18th – early 19th centuries and determines the specificity of Palmier's memoirs and their relationship to the literary tradition. References to books of different themes, belonging to past eras or contemporary to the author, describing different spheres of human existence, create the necessary background for Palmier's narration. The echoes of literary (and not only) works found in Palmier's memoirs support the opposition of “virtuous heroine” vs “vicious world” that is central to the memoirist.

Keywords

memoirs, novel, plot, narrative structure

For citation

Farafonova O. A. “The Pretty Cook” and Others: A Novel Plot in the Memoirs by Anne de Palmier. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. 19–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-19-29

О мемуаристке конца XVIII – начала XIX в. Anne де Пальме практически ничего не известно. За исключением того, что она сама сочла нужным указать в тексте под заглавием «Сокращенная выписка из тайной истории моей жизни с 1794 по 1808 год».

Текст Пальме, не попадавший до сих пор в поле зрения исследователей, примечателен во всех отношениях. Единственная его публикация состоялась в 1994 г. в альманахе «Российский архив», который мыслился создателями как продолжение известного журнала П. И. Бартенева «Русский архив»¹.

Неизвестность мемуаров и туманные сведения о жизни самой Пальме могут заставить усомниться в том, что опубликованный в «Российском архиве» текст

¹ Принцип издания – «первенство документа над его субъективной интерпретацией» (Российский архив, 1994, с. 6).

не мистификация. Однако историк-архивист М. Данилов, подготовивший мемуары Пальмье к публикации, во вступительной статье к ним указывает, что в архивах обнаружены реальные секретные донесения Анны де Пальмье Екатерине II и Александру I. Кроме того, Данилов ссылается на разыскания калужских краеведов, установивших, что «тайная агентка» на закате своей жизни проживала в этой губернии и даже открыла там пансион. Издатели публикуют мемуары Пальмье со ссылкой на ЦГАЛИ и утверждают со всей ответственностью, что «как бы то ни было, наша героиня – все-таки не удачливое создание талантливого мистификатора, коих было всегда немало на Руси, а реальное действующее лицо отечественной истории» [Пальмье, 1994, с. 13].

Авантюрная история жизни А. де Пальмье вполне могла бы стать основой для романного сюжета: незаконнорожденная дочь видного российского сановника², Анна была отдана на воспитание в семью некоего французского эмигранта, давшего ей свою фамилию. Родной отец никогда не оставлял ее «нежными чувствами и благоразумными наставлениями», заботился о воспитании дочери и оставил ей весьма значительное наследство, позволявшее ни от кого и ни в чем не зависеть. Однако движимая желанием «быть полезной в обществе» Пальмье предлагает Екатерине II свои услуги в роли секретной осведомительницы, получает на это согласие и благословение императрицы, а после ее смерти сохраняет свою должность «невидимки» и при двух следующих монархах.

«Сокращенная выписка...» Пальмье открывается эпиграфом – неточной цитатой из романа М. Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины»: «Читатель увидит и разберет, а разобрав и взвесь мои дела, пускай наймают меня, какою изволит» [Там же, с. 14]. Важно отметить несколько моментов. Безусловно, эпиграф к «Сокращенной выписке...» является авторским знаком и знаком литературным. Отсылка к одному из самых примечательных русских романов XVIII в. неслучайна. Как показало исследование, роман Чулкова играет «ведущую партию» в организации повествования и создании автобиографического образа в мемуарах Пальмье. Важность литературного «ключа» к пониманию рассказываемой истории жизни подкрепляется коротким авторским предисловием, сопрягающим мотивы, ключевые для дальнейшего повествования Пальмье о себе.

Русскому читателю уже были известны разнообразные европейские романы. Например, переведенный на русский язык И. П. Елагиным и В. И. Лукиным и изданный в 1793 г. в типографии Императорской Академии наук роман А. Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско», оказавший, по мнению исследователей, несомненное влияние на «Пригожую повариху» Чулкова [Безрукова, 2018]. Для Пальмье обращение к русскому, а не европейскому роману принципиально. Ей крайне важно оставить своего рода знак своей «русскости» и показать, несмотря на фамилию, истинное свое происхождение.

Думается, что еще одной причиной обращения Пальмье к роману Чулкова была организация повествования от первого лица: в русской литературе, как извест-

² Есть версии, согласно которым Анна де Пальмье является внебрачной дочерью обергофмейстера Екатерины II Е. П. Елагина. Эта версия была выдвинута в свое время историком Е. С. Шумигорским. Косвенные подтверждения гипотезы находят и издатели «Российского архива» [Данилов, 1994, с. 13–14].

но, «Пригожая повариха» была первым романом, написанным от лица героини. Очевидно сходство повествовательной модели «Сокращенной выписки...» Пальмье с романом Чулкова, который Билинкис назвал «повествованием, имитирующим мемуарную конструкцию» [Билинкис, 1995, с. 8].

Заданный эпиграфом литературный код поддерживается в мемуарах Пальмье своеобразным предисловием-рассуждением. Для этого вступительного и знакового по отношению ко всему тексту записок фрагмента, речь в котором идет о том, каким образом устроен мир и каким законам он подчиняется, Пальмье использует традиционную форму просветительского диалога:

Вопрос. Для чего один глупой, а другой с подлою душою человек, и оба, рожденные для забвения, светозарны, тогда когда умной и добродетельной человек проводит дни жизни своей во тьме? Ответ. Для слов, как для людей, есть жребий роковой; случай играет их судьбой. Он – их судия, они – его создание. Захочет – и в чести; велит – они в изгнание. Неистовый тиран; но свят его закон (с. 15)³.

Обращает на себя внимание общая структура вступительной части мемуаров Пальмье, напоминающая структуру категорического силлогизма. Мемуаристка, подобно изображенной в ее воспоминаниях благодетельнице Екатерине II, демонстрирует игру ума, доказывающую, что она имеет право претендовать на место, занимаемое ей в мире. Вступление к «Сокращенной выписке...» имеет трехчастную композицию: предисловие, введение, сближение. В каждом фрагменте в соответствии с этой структурой сформулирована определенная мысль (посылка). В предисловии содержится большая посылка, выраженная в аллегорической формуле мира, где «зерцало Истины и Правосудия разбилось». Во введении развернута меньшая посылка, касающаяся роли государя в восстановлении или не восстановлении мировой гармонии. И, наконец, в сближении сформулирована аксиома силлогизма – главный жизненный тезис самой мемуаристки: «Но правота и добродетель как были, так всегда и будут заступниками моими» (с. 14).

Нельзя также не обратить внимания и на то, что в предисловии Пальмье отчетливо прослеживаются общелитературные мотивы судьбы, случая, «рокового жребия», известные со времен античности и активно подхваченные русским классицизмом, а затем и сентиментализмом. Связь с литературной традицией мемуаристка вольно или невольно подчеркивает, оформляя часть предисловия (ответ) стихами. Шестистопный трагедийный ямб задает вполне определенную парадигму самопрезентации автора: она видит себя трагедийной героиней, борющейся с «превратностями света». Через весь текст ее «Сокращенной выписки...» проходит мотив неукоснительного исполнения долга и соблюдения чести. Судьба, о которой Пальмье довольно много пишет, изначально обошлась с ней не «очень ласково», хотя в этом не было ничего необычного для XVIII в.: будучи внебрачным ребенком знатного и состоятельного екатерининского вельможи, после его смерти она остается совершенно одна и должна сама понять, как ей жить дальше.

Переход на шестистопный ямбический стих во вступительной части «Сокращенной выписки...», наряду с неточной цитатой из романа Чулкова в эпиграфе, настойчиво отсылает внимательного читателя к «Пригожей поварихе»: «вольный

³ Здесь и далее мемуары А. де Пальмье цитируются по [Пальмье, 1994] с указанием страниц в круглых скобках.

размер» стихотворного «предупреждения» к роману Чулкова в основе своей шестистопный⁴. Это дает основания рассматривать «Пригожую повариху» не только как один из возможных претекстов мемуаров Пальме, но как ключ, необходимый для понимания авторского видения рассказываемой истории. Прямо или опосредованно на это указывает и то, как мемуаристка организует повествование, какие моменты своей жизни описывает особенно подробно и какие акценты при этом расставляет.

При более детальном сопоставлении «Сокращенной выписки...» Пальме и «Пригожей поварихи» Чулкова обнаруживаются не только сходство формы повествования, но и сюжетные совпадения.

Так, после смерти отца, имени которого Пальме не называет, она, как и Мартона после гибели мужа, остается один на один с враждебным «светом»:

С ошибками современников моих не уживается и совершеннейший человек – то могу ли я оскорбляться, что предрассудки, оскорбления и клеветы устремились на меня? <...> Изобразить всей горести, какую причинила мне смерть отца моего, я не в состоянии (с. 14).

Сравним с героиней романа «Пригожая повариха»:

Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой жизни моей меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову. Все обо мне переговаривали, винили и порочили меня тем, чего я совсем не знала [Чулков, 1988, с. 264].

Подобно героине Чулкова, судьба предоставляет Пальме «случай» устроить свою жизнь. Мартона встречается с известной всему городу Киеву «честной старушкой», взявшей ее под свое покровительство и сыскавшей «молодого и статного человека» для увеселения молодой вдовы. К Пальме является князь Барятинский с известием о том, что императрица предлагает ей стать фрейлиной. Если героиня «Пригожей поварихи», недолго упорствуя, соглашается на предложение «честной старушки», то автобиографическая героиня Пальме, помня наставления своего отца, отвергает «царскую милость» как категорически невозможную, поскольку чувствует себя «совершенно не способною жить при Дворе» (с. 15).

Отметим, что отрицательный ответ Пальме на переданное Барятинским предложение жить при дворе и исполнять обязанности фрейлины в «Сокращенной выписке...» мотивирован исполнением завещания отца, где было сказано «удаляться елико возможно от царского престола», окруженного «густейшим туманом зависти и мрачнейшими облаками злобы» придворных, а не нежеланием принять предложение императрицы. Не последней причиной отказа Пальме является и фигура Барятинского, которого мемуаристка воспринимает «по рассказам отца» как «гносного царедворца» и «пресмыкающееся творение, изшедшее из самого Тартара».

В начальных мотивировках поведения автобиографической героини наблюдается некоторое сходство с Мартоной: в силу неопытности они обе поступают, ру-

⁴ «Ни звери, ни скоты наук не разумеют, // Ни рыбы, ни гады читати не умеют. // Не спорят о стихах между собою мухи // И все летающие духи. // Ни прозой, ни стихом они не говорят, // Так стало, что они и в книгу не глядят. // По сей причине зримой // Читатель мой любимой, // Конечно, будет человек, // Который весь свой век // В науках и делах трудится // И выше облака понятием мостится» [Чулков, 1988, с. 262].

ководствуясь мнением других людей, а не на основе собственных суждений. Мартоне, чтобы обрести относительную самостоятельность в осмыслении происходящего, необходимо пережить несколько имеющих «плачевные следствия» любовных приключений. Пальме благодаря полученному воспитанию и завещанию отца сразу получает правильные указания и наставления о том, как следует себя вести в мире. Накопление определенного жизненного опыта дает Мартоне возможность собственного взгляда и собственного объяснения происходящего. Пальме сразу позиционирует себя как сформировавшуюся личность со строгими моральными принципами и собственной точкой зрения. Завещание отца дает мемуаристке все необходимые сведения о придворной среде, поэтому, даже не обладая достаточным личным опытом, она понимает, с чем предстоит столкнуться, и, не сомневаясь в суждениях отца, размышляет о «превратностях света». Философско-медитативные вставки с самого начала повествования прямо транслируют жизненные принципы Пальме и задают ракурс восприятия автобиографического образа сквозь призму «неугасимой лампы чистой философии», «практической добродетели» и «любви ко всему чистому и прекрасному» (с. 14).

При всей экстравагантности и эпатаже для своего времени «Пригожей повари-хи» характеры героев романа Чулкова, по замечанию исследователя, не меняются, что соответствует классицистическим традициям [Билинkis, 1995, с. 88]. Автобиографическая героиня Пальме в любой ситуации также демонстрирует поистине классицистическую цельность характера и в поступках всегда руководствуется разумом. Позиционируя свое особое видение и понимание мира, неоднократно подчеркивая, что ее воспитывал отец, Пальме демонстрирует готовность противостоять, если понадобится, всему миру и желание самой определять свой жизненный путь. Приняв какое-либо решение, героиня не отступает от него, если считает его соответствующим ее собственным принципам. Наглядным примером этого является эпизод с очередным предложением императрицы устроить судьбу Пальме. Екатерина II, как пишет мемуаристка, присылает к ней графа Безбородко (Пальме называет его «своим вторым отцом») с предложением найти ей выгодную партию. Безбородко передает Анне слова императрицы, сожалеющей о смерти отца мемуаристки и размышляющей о том, можно ли ее выгодно выдать замуж за побочного сына польского короля Грабовского. Непреклонная в своем решении служить верой и правдой государыне на выбранном ею поприще, но никогда не выходить замуж, Пальме отвечает «с негодованием»:

Мне замуж итти? Мне иметь мужа, иметь для себя сию лишнюю и пустую мебель? Знаю и чувствую, что, конечно, Императрица имеет причину жалеть обо мне, но отнюдь не о моем воспитании, ни о том, что я есть теперь, ибо я теперь, благодаря Бога, девица честная, какой и завсегда надеюсь остаться (с. 17).

Что оскорбило мемуаристку больше – жалость императрицы, совет выйти замуж или предлагаемая партия (такой же, как и она, внебрачный ребенок высоко-родного родителя), она не пишет.

Граф Безбородко передает Пальме мнение императрицы, считающей, что она неправильно воспитанная «странная и удивительная молодая особа»⁵. Слова Ека-

⁵ Очевидно, речь идет в данном случае о нежелании отца Пальме, предположительно И. П. Елагина, отдать дочь в Смольный институт: «Но что это не что иное есть, как последствия воспитания и упорства родителя моего не вручить меня шестилетнюю Ея воспита-

терины II в данном случае подтверждают самоощущение мемуаристки: она сознательно декларирует свою «странность», состоящую в сознательном противопоставлении себя «превратному свету». Пальмье постоянно подчеркивает, что она «не такая»: незаконнорожденная, «неправильно» воспитанная, не желающая связывать себя узами брака и вообще реализовывать типичную для женщины конца XVIII в. судьбу, противящаяся зависимости от кого-либо и стремящаяся к выполнению мужской роли – служить монарху.

Отметим, что стремление мемуаристки приносить пользу государству на выбранном поприще – отличительная черта эпохи «великих женщин». Не случайно Пальмье сравнивает себя с Дашковой, снова подчеркивая при этом свою инаковость и не желание «требовать» от императрицы того, что «однажды требовала Дашкова», поскольку это было бы «крайне безрассудно» (с. 18). В отличие от Дашковой, стремящейся, по словам И. Савкиной, изобразить себя как общественную фигуру и всеми способами подчеркнуть, что она «женщина в мужском мире власти» [Савкина, 2007, с. 83], Пальмье постоянно отмечает, что избранная ею добровольно служба требовала незаметности:

Я истинно уподоблялась невидимке, то есть: что я все свои деяния и поступки так располагала, что все мне можно было знать, замечать, даже и предвидеть, не быв сама ни в чем замечена или подозреваема; но оставлена совершенно без должного внимания, тем наипаче, что должность моя при Императрице оставалась неизвестною (с. 19).

Мартона в «Пригожей поварихе» добивается определенного «успеха» потому, что ее «примечают» и распространяют слухи. Пальмье гордится тем, что могла всегда оставаться незаметной, а о выполняемой ею должности «один Безбородко знал». Стремление Пальмье реализоваться на поприще, не характерном для женщины ее времени, связано также с транслируемой мемуаристкой внутренней установкой на свободу выбора и, что не менее важно, изначальное понимание того, что каждый сделанный шаг предполагает ответственность. В этом она полная противоположность Мартоне. Просматриваемая в подтексте «Сокращенной выписки...» «Пригожая повариха» указывает на возможный «сценарий» жизни Пальмье, избежать которого ей удастся благодаря наставлениям отца, оставленному им наследству, позволявшему чувствовать себя независимой, и собственной решимости противостоять соблазнам мира. Как и в записках Лабзиной, отсылка к героине романа Чулкова важна для автора «Сокращенной выписки...», но не как «шаблон» для моделирования собственного образа, а в полемическом контексте. Обнаруженные совпадения обнажают больше различия, чем сходства в образах двух героинь. Пальмье очевидно «примеряет» образ романной героини, настойчиво стремясь доказать, что она таковой не является, противопоставляет свое жизненное кредо «принципам» Мартоны.

Однако романский код, заданный эпиграфом, не является единственным ключом к пониманию представленной, пусть и в сокращенном виде, истории жизни мемуаристки. Литературный и общий культурный контекст записок Анны де Пальмье, созданных в первые десятилетия XIX в., довольно широк: от библей-

нию <...> “Он потерял дочь свою <...> своим упрямством, своим глупым воспитанием. Что он теперь из ней сделал, сообщая сей свое упрямство, свои глупые правила и свою гордость?” (с. 16).

ских текстов до современных автору отечественных и европейских романов и философско-политических трактатов.

Общую идею мемуаров и концепцию автобиографического образа Пальмье определяет противостояние разрушенного пороком мира и сильной личности – того, «кто имеет твердость духа и благородное презрение к бедствиям», заданное в предисловии. На протяжении всего повествования мемуаристка реализует важную для нее и классицистическую по своей сути систему ценностей, основанную на оппозициях «добродетель – порок», «разум – искушение». Автобиографическая героиня, в отличие от Мартоны, находится на стороне добродетели и разума и противостоит окружающему ее миру, утратившему «зерцало Истины и Правосудия». Обнаруживаемые в воспоминаниях Пальмье отсылки к литературным (и не только) произведениям, поддерживают центральную для мемуаристки оппозицию «добродетельная героиня» – «порочный свет».

Так, в ответе героини «Сокращенной выписки...» князю Барятинскому, принесшему ей предложение императрицы стать фрейлиной и перебраться жить во дворец, содержится аллюзия на книгу пророка Даниила, а именно на историю о Навуходоносоре. Упомянув «златого кумира человеческих заблуждений», мемуаристка противопоставляет его истине и тем самым развивает заданное во вступительной части противопоставление себя и высшего света:

Скажу вам теперь решительно, что когда сердце мое обратится в камень, когда огонь чувства чистейшей добродетели угаснет в груди моей, подобно как заря вечерняя угасает на полунощном небе, когда, забыв святую истину, паду я ниц пред златыми кумирами человеческих заблуждений, тогда... Да, тогда только, князь, буду я жить между царедворцами – жить в их удовольствие и быть другом их (с. 15–16).

Трагедийная патетика обращенной к Барятинскому речи героини, переключаясь с шестистопным ямбом в предисловии, указывает на еще один значимый для мемуаристки ценностный и эстетический контекст. Действительно, созданные в начале 20-х гг. XIX в. записки Пальмье тяготеют к классицистической, а не сентименталистской или романтической парадигме. Автобиографический образ Пальмье строится в полном соответствии с образами трагедийных героинь Сумарокова: цельная и целеустремленная натура, руководствующаяся в своих поступках разумом и отвергающая страсть. Контекст высокой трагедии классицизма оформляет общую концепцию автобиографического образа Пальмье и помогает мемуаристке показать принципиальное различие между ней и романной героиней Чулкова.

Неоднократно озвучиваемая в «Сокращенной выписке...» Пальмье вера в торжество истины и идея служения ей подчеркивается отсылками к поэтическим произведениям Г. Р. Державина – известного поборника истины и справедливости. Важный для мемуаристки аллегорический образ «зеркала истины» встречается в оде Державина «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» 1789 г.:

Возьмем же истины зеркало,
Посмотрим в нем твоих путей,
Ехиднино раскроем жало,
Сокрытое в груди твоей
[Державин, 1957, с. 149].

Сопоставление поэтического текста и «Сокращенной выписки...» обнаруживает ряд существенных параллелей, многое объясняющих в авторских установках Пальмье. Так, в оде Державина прослеживается ключевой для воспоминаний Пальмье мотив искушения добродетели, разворачивающийся в исторической ретроспекции – от грехопадения первых людей до состояния современного мира («Там ставят сети на невинность»). Стремление мемуаристки приблизиться ко двору, чтобы узнать царедворцев и «втайне разглядеть сих хамелеонов», перекликается со строфой державинской оды об «исследовании» природы коварства:

Исследуем твои деянья,
Все виды, козни и желанья,
И обнажим тебя всего.
Уже я зрю хамелеона,
Для пользы твоих, для ближних стона,
В изгибах сердца твоего
[Державин, 1957, с. 149].

В оде Державина коварству противопоставлены «разум, людскость, любопытство и любомудрый тонкий взор» [Там же, с. 150]. Автор «Сокращенной выписки...» изображает себя носительницей «здорового рассудка», стремящейся обрести «обширность познаний и опытности» и, разоблачая коварные происки придворных, служить государыне «только из одной чести».

Не очень ровное в стилистическом отношении, но очевидно претендующее на литературность, повествование Пальмье насыщено присущими литературному языку оборотами. Что не только дает основания утверждать, что мемуаристка была начитана и получила достойное образование, но и позволяет увидеть, как Пальмье выражает свои мысли, как взаимодействует с потенциальным читателем, какие «знаки» для него расставляет. Использование в тексте «Сокращенной выписки...» таких оборотов, как, например, «философическое уединение» или «благородное презрение», служит указанием на значимую для мемуаристки литературную традицию, что позволяет лучше понять характер автора воспоминаний и интенции ее сочинения.

Автобиографическая героиня часто изображается в «философическом уединении». Этот традиционный для литературы конца XVIII – начала XIX в. «атрибут» не связан с каким-либо конкретным жанром или автором, поэтому позволяет увидеть широкий контекст записок Пальмье. Меланхолические медитации в духе Н. М. Карамзина; противопоставленное «плескам мира» и «звукам славы» идиллическое уединение «жизни званской» в поэзии Г. Р. Державина; «уход от света» в медитативной лирике М. Н. Муравьева; романический образ «уединенного философа» в сочинениях А.-Ф. Прево или Д'Аржанса репрезентируют актуальную для русской и европейской литературы XVIII в. оппозицию. Всё «бренное» и «суетное» ассоциируется, как правило, с жизнью «в свете», тогда как познание и приобщение к «вечному» и «истинному» связано с уединением. В мемуарах Пальмье эта литературная черта эпохи становится одной из основных характеристик автобиографического образа.

Отсылки к разным по тематике, принадлежащим к прошлым эпохам или современным автору книгам, описывающим разные сферы человеческого бытия, создают необходимый фон для повествования Пальмье. Мемуаристка совмещает просветительно-классицистические, сентиментальные и даже романтические

установки, что, с одной стороны, соответствует основным тенденциям развития культуры в конце XVIII – начале XIX в., а с другой – определяет специфику мемуаров Пальме и их отношения к литературной традиции.

Эмоционально переданные диалоги с Бястинским и Безбородко, авторские отступления-размышления, общая стилистика и сюжетная организация «Сокращенной выписки...» позволяют говорить о том, что Пальме выстраивает повествование и находит способы самопрезентации, ориентируясь на литературные образцы. Автобиографическая героиня Пальме проливает сентиментальные «потoki слез», растрогавшись «милостью Государыни», и противопоставляет себя судьбе и миру, реализуя героическую парадигму высокой трагедии классицизма. Написанные уже в начале 20-х гг. XIX в. мемуары создаются их автором по законам и канонам литературы минувшего столетия. Однако именно обращение к жанру романа подсказывает Пальме наиболее соответствующую истории ее жизни модель повествования. Брошенное мемуаристкой вскользь замечание, что она «мало читала романов» и ей «романический тон крайне не нравится», существенно противоречит тому, как организован и в каких интонациях написан весь текст.

Список литературы

Безрукова М. В. К вопросу о художественном своеобразии «Пригожей повари-хи» М. Д. Чулкова на фоне европейской романной традиции XVIII века // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 22–26.

Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1995. 104 с.

Данилов М. Мемуары секретной агентки российских императоров // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив, 1994. С. 13–14.

Державин Г. Р. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. М.: Сов. писатель, 1957. 561 с.

Пальме А. де. Сокращенная выписка из тайной записки моей жизни с 1794 по 1808 год // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив, 1994. С. 14–23.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛО, 2007. 416 с.

Чулков М. Д. Пересмешник. Пригожая повариха. М.: Сов. Россия, 1988. 286 с.

References

Bezrukova M. V. K voprosu o khudozhestvennom svoeobrazii “Prigozhei povari-
khi” M. D. Chulkova na fone evropeiskoi romannoi traditsii XVIII veka [On the ques-
tion of the artistic originality of the “Pretty Cook” by M. D. Chulkov against the back-
ground of the European novel tradition of the 18th century]. *Baltic Humanitarian Jour-
nal*, 2018, vol. 7, no. 1 (22), pp. 22–26. (in Russ.)

Bilinkis M. Ya. Russkaya proza XVIII veka: Dokumental’nye zhanry. Povest’. Ro-
man [Russian prose of the 18th century: Documentary genres. The story. Novel].
St. Petersburg, SPbSU Press, 1995, 104 p. (in Russ.)

Фарафонова О. А. Романный сюжет в мемуарах Анны де Пальмье

Chulkov M. D. Peresmeshnik. Prigozhaya povarikha [The mockingbird. The pretty cook]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1988, 286 p. (in Russ.)

Danilov M. Memuary sekretnoi agentki rossiiskikh imperatorov [Memoirs of a secret agent of the Russian emperors]. In: The Russian Archive: The History of the Fatherland in certificates and documents of the 18th – 20th centuries. Almanac. Moscow, Studiya TRITE, Rossiiskii Arkhiv, 1994, pp. 13–14. (in Russ.)

Derzhavin G. R. Stikhotvoreniya. Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya [Poems. The poet's library. A big series]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1957, 561 p. (in Russ.)

Palmier A. de. Sokrashchennaya vypiska iz tainoi zapiski moei zhizni s 1794 po 1808 god [An abridged extract from the secret note of my life from 1794 to 1808]. In: The Russian Archive: The History of the Fatherland in certificates and documents of the 18th – 20th centuries. Almanac. Moscow, Studiya TRITE, Rossiiskii Arkhiv, 1994, pp. 14–23. (in Russ.)

Savkina I. Razgovory s zerkalom i zazerkal'em: avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka [Conversations with a Mirror and through the Looking Glass: Women's Auto-documentary Texts in Russian Literature of the first Half of the 19th Century]. Moscow, NLO, 2007, 416 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Оксана Анатольевна Фарафонова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Oksana A. Farafonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;

одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025

The article was submitted on 01.02.2025;

approved after reviewing on 12.03.2025; accepted for publication on 12.03.2025

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1